

КОШКА НА РАСКАЛЕННОЙ КРЫШЕ

Одри Вуд посвящается

Действующие лица

Поллит - старший; его называют Папа.

Ида Поллит — его жена; ее называют Мама.

Брик — их сын.

Маргарет — его жена.

Гупер — брат Брика; его иногда именуют Братец.

Мэй — жена Гупера; ее иногда именуют Сестрица.

Доктор Бо — врач.

Тукер — священник.

Лейси }
Суки } слуги-негры

Дикси — девочка, дочь Гупера и Мэй.

Еще одна девочка и два мальчика — также их дети.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ОФОРМЛЕНИЮ

Действие происходит в одной из комнат плантаторского особняка где-то в низовьях Миссисипи. Комната эта служит и спальней, и гостиной; к ней примыкает висячая галерея, которая, по видимому, огибает весь дом. На галерею ведут две очень широкие двустворчатые двери; за ними — белая балюстрада на фоне ясного летнего неба, которое по ходу действия пьесы (события, происходящие в ней, занимают ровно столько же времени, сколько длится спектакль, не считая, конечно, пятнадцати минут перерыва) постепенно меркнет, темнеет, становится ночным. Интерьер комнаты, пожалуй, не соответствует нашему представлению о том, какой должна быть обстановка дома владельца крупнейшей хлопковой плантации в дельте Миссисипи. Комната обставлена в викторианском стиле с примесью дальневосточной экзотики. Ее убранство мало изменилось с тех пор, когда в ней жили прежние хозяева плантации — старые холостяки Джек

Строу и Питер Очелло. Иначе говоря, здесь витают призраки прошлого, на всем лежит его мягкий, лирический отпечаток. Пусть это прямо и не относится к делу, но, когда я думал о декорациях для пьесы, в памяти у меня всплывала виденная когда-то старая фотография: веранда дома Роберта Луиса Стивенсона на одном из островов архипелага Самоа, где он провел свои последние годы. Мягкий, покойный свет на дачной мебели из бамбука и ивняка, потемневшей от тропического солнца и тропических ливней, навевал мысли о том, как благодатен и отраден этот ласковый свет угасающего тихого летнего дня, как утешает он и умиротворяет душу, смягчая все, чего ни коснется, — даже страх смерти. Декорации, на фоне которых будет разворачиваться действие этой пьесы, имеющей дело с предельным напряжением человеческих чувств, нуждаются, по-моему, в подобной смягчающей теплоте.

В одной боковой стене — дверь в ванную; когда она открыта, видны только светло-голубые изразцы и серебристые вешалки для полотенец. В противоположной стене — дверь, ведущая в холл. Два предмета обстановки заслуживают особого упоминания: большая двуспальная кровать, которая при установлении мизансцен должна по возможности чаще использоваться

в качестве функциональной детали декорации и плоскость которой должна быть несколько наклонена в сторону зала, с тем чтобы зрителям были лучше видны фигуры актеров на ней, и монументальное современное чудовище — помещающийся в простенке между двумя огромными двойными дверями в задней части сцены гигантский комбайн (сочетание радиоприемника, стереопроеигрывателя с тремя динамиками, телевизора и бара с множеством бокалов и бутылок). Этот агрегат, представляющий собой цветовую композицию из приглушенного серебристого блеска металла и переливчатых оттенков зеркального стекла, служит связующим звеном между коричневато-золотистыми (сепия) тонами интерьера и холодными (белыми и синими) тонами галереи и неба. Сей монумент — настоящий маленький храм — является законченным и компактным воплощением практически всех тех благ и иллюзий, за которыми люди пытаются укрыться от того, с чем сталкиваются персонажи этой пьесы... Декорация должна быть гораздо менее реалистичной, чем это можно предположить на основе сделанного выше описания. По-моему, стены под потолком должны таинственно расплываться в воздухе, а вместо потолка должно быть небо; пусть на нем будут слегка намечены

молочно-белыми бликами звезды и луна, словно видимые через несфокусированный объектив телескопа. Что еще? Ах да, фрамуги над всеми дверями — веерообразные окошки со стеклами синего и янтарного цвета. И главное: необходимо предоставить актерам максимальный простор для свободного передвижения по сцене, как если бы это была декорация для балета (движение актеров призвано передать душевное беспокойство персонажей, их страстное стремление вырваться). Летний вечер. Сценическое действие пьесы непрерывно; спектакль идет с двумя антрактами.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Когда поднимается занавес, мы слышим, как кто-то принимает душ в ванной, дверь в которую полуоткрыта. В комнату входит хорошенькая молодая женщина с печатью беспокойства на лице; она идет к двери в ванную.

Маргарет (*стараясь перекрыть шум воды*). Один из этих бесшеих уродов уронил мне на платье жирный горячий пирожок — пришла переодеться!

Речь у Маргарет быстрая и одновременно протяжная. В длинных монологах голос ее звучит певуче — на манер речитатива священника, служащего литургию. Она почти выпевает фразы и говорит с придыханиями, потому что, произнося тираду, постоянно задерживает вдох. Иногда ее речь переходит на миг в настоящее пение без слов, что-то вроде «Ла-да-да-а-а!».

Шум льющейся из душа воды смолкает, и Брик, которого мы пока еще не видим, откликается из ванной. Когда он обращается к Маргарет, его тон выражает показной — из вежливости — интерес, маскирующий безразличие, а то и что-нибудь похуже.

Г о л о с Б р и к а. Ты что-то сказала, Мэгги? Вода шумела, и я ничего не расслышал...

М а р г а р е т. Я только сказала, что... один из бесшеих уродов заляпал... мое красивое кружевное платье и мне придется пе-ре-одеться... (*Выдвигает и рывком задвигает ящики комода.*)

Г о л о с Б р и к а. Почему ты называешь детишек Гупера бесшеими уродами?

М а р г а р е т. Потому что у них нет шеи — вот почему!

Г о л о с Б р и к а. Разве у них нет шеи?

М а р г а р е т. Ни намека на шею. Их маленькие круглые головки сидят прямо на маленьких круглых туловищах.

Г о л о с Б р и к а. Печальный факт.

М а р г а р е т. Конечно, печальный: нельзя свернуть им шею, хотя руки чешутся. Разве не так, милый? (*Снимает платье и остается в кружевной атласной комбинации цвета слоновой кости.*) Да-да, это бесшеее уроды... все бесшеее люди — уроды...

Снизу доносятся пронзительные крики детей.

Слышишь? Послушай, как визжат! Вот интересно: шеи нет, горла нет, а голос — дай бог каждому! Весь этот праздничный ужин, поверишь ли, просидела как на иголках: думала, нервы

не выдержат, еще немного — и я закину назад голову и так заорю, что в соседних штатах услышат, и в Арканзасе, и в Теннесси, и в Луизиане. Я говорю твоей очаровательной невестке: «Мэй, душечка, неужели нельзя было покормить этих прелестных малюток за отдельным столом, покрытым клеенкой? Они ужасно свинячат, а эта кружевная скатерть такая красивая». Та даже глаза закатила: «Ну не-е-ет! В день рождения нашего Папы?! Да он в жизни бы этого мне не простил!» И тут, скажу я тебе, не просидел Папа и пары минут за одним столом с пятью этими бесшеими уродцами, пачкающими все вокруг и пускающими слюни в тарелку, как он швырнул вилку и гаркнул: «Черт возьми, Гупер, убрал бы ты этих поросят к корыту на кухне!» Ой, честное слово, я чуть не умерла-а-а! (*Смеется.*) Ой!.. Подумать только, Брик, у них уже пятеро и шестой на подходе. И весь этот выводок они приволокли сюда, словно скотину на сельскохозяйственную выставку. Посмотри, они все время демонстрируют своих деток, все время заставляют их показывать номера! «Малыш, покажи-ка дедуле, как ты умеешь делать то, покажи дедуле, как ты умеешь делать это; ну-ка, лапуся моя, скажи дедуле стишок. А ты, сладенькая, покажи, какие у нас ямочки! Ну-